

Э.Г. ЭРИКСОН

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Психоаналитическое исследование по своей природе подразумевает, что предлагаемую для обсуждения новую концепцию или идею автор должен соотнести с историей ее возникновения в жизни самого автора, в его профессиональном опыте. Предполагаю, что к этому можно прийти посредством самоанализа, поскольку в этом случае я смогу проиллюстрировать некоторые *мотивационные структуры* (motivational dimensions), которые сыграли роль в процессе формирования новой концепции.

Здесь, однако, возникает вопрос о том, можно ли концепцию «кризиса идентичности» действительно признать новаторской в моей профессиональной сфере, психоанализе. Иной представитель моей профессии мог бы доказать, что это понятие не является, строго говоря, психоаналитическим, потому что описывает явления, которые находятся слишком близко к «социальной поверхности» и потому не могут быть достаточно обоснованными в теории, которую можно назвать глубинной динамической психологией. Для такого профессионала это суждение подтверждается одним только тем фактом, что концепты идентичности скорее находятся в обыденном мышлении или, в любом случае, в словаре широкого круга читателей разных стран — не говоря уже об их появлении в карикатурах, которые отражают интеллектуальную моду. Но тогда этим термином начинают обозначать также универсальный, а чаще вызывающий противоречивые толкования внутренний конфликт. Так, в прессе было опубликовано сообщение о том, что Папа [Римский] в недавней

---

* Перевод выполнен по изданию: Erikson E.H. Identity Crisis in Autobiographic Perspective // Erikson E.H. Life History and Historical Moment. N.Y., 1975. P. 17-47. (Фрагмент из книги «История жизни и исторический момент», 1975.)

Впервые этот доклад был представлен на симпозиуме, организованном журналом Дедалус (Daedalus), по «биографии» инновационных идей в науках XX в. на Вилле Сербелло-ни, озеро Комо в 1969 г. Здесь и далее по тексту постраничные ссылки и курсив автора. — *Прим. перев.*

речи рекомендовал юным священникам нашего времени — «времени, когда говорят, что духовенство само по себе переживает... кризис идентичности» — обратить внимание на мужество и стойкость недавно канонизированных испанцев еврейского происхождения XVI в. Употребление этого термина, как мне рассказали, могло быть связано с тем фактом, что некоторые молодые священники в Риме зачитывались *Il Giovane Lutero* (см. прим. 1).

Я должен отложить для другого случая обсуждение вопроса о том, как концепции и термины, имеющие отношение к человеческому развитию и мотивации, могут быть абсорбированы в этический (или псевдоэтический) климат их времени. Здесь я еще раз утверждаю, почему и как выдвижение понятия «психосоциальной идентичности» представляется концептуальной необходимостью и почему и как оно может в действительности быть релевантным мотивационной природе инновации.

Позвольте мне начать с представления своего рода словаря, который будет, если не определять, то, по крайней мере, очерчивать для наших настоящих целей, что «есть» кризис идентичности. Здесь мне придает мужества заверение Стюарта Гемпшира, который писал, что я «оставляю без определения [мое] понятие идентичности, которым все злоупотребляют, так как оно, главным образом, «служит группировке ряда феноменов, которые могут быть плодотворно исследованы в целом» (см. прим. 2). Возможно он понял, как трудно установить сущность и место нахождения феномена, который является одновременно *психическим* и *социальным* (*psycho* и *social*). И все это происходит в силу того, что пока не существует такого сотрудничества между социальными науками, каковое имеет место в области естественных наук. Действительно, в каждой из социальных наук разработки концепции идентичности появляются в разных контекстах и подвергаются разным способам верификации. Поэтому сказать, что кризис идентичности есть *psycho* и *social* означает, что:

1. Это одновременно и субъективное чувство, и объективно наблюдаемое качество личностной тождественности и непрерывности, сопряженное с некоторой верой в тождественность и непрерывность некоторого разделяемого с другими образа мира (*world image*) (см. прим. 3). Как объективно наблюдаемое качество неосознанного бытия оно может быть особенно очевидным в молодом человеке, который осознает себя по мере того, как находит свой круг общения. В молодом человеке мы видим зарождение уникального соединения того, что с необходимостью дано от природы — то есть телесного облика и темперамента, одаренности и ранимости, инфантильных моделей поведения и приобретенных идеалов — со свободой выбора, которая будет реализовываться в доступных социаль-

ных ролях, профессиональном поле, в рамках предлагаемых обществом ценностей, заповедей учителей, образцах дружбы и первых сексуальных контактах.

2. Это состояние бытия и становления, которое может быть высоко сознательным (действительно осознанным) и оставаться в своих мотивационных аспектах совершенно бессознательным и осаждаемым динамическими силами конфликта. Это, в свою очередь, может привести к противоречивым ментальным состояниям, таким как чувство сильной ранимости и к навязчивому ожиданию большого личного успеха.

3. Это характеристика *периода развития*, перед которым кризис идентичности не может быть осознан, потому что соматические, когнитивные и социальные предпосылки только появились; и после которого он не должен быть чрезмерно подавлен, потому что последующее и все будущее развитие зависит от разрешения этого кризиса. Этой стадией жизни, конечно, является *подростковый возраст и юность* (см. прим. 4). Появление и разрешение кризиса идентичности, таким образом, частично зависит от *психобиологических* факторов, которые обеспечивают соматический базис для связного чувства жизненной самости. С другой стороны, *психосоциальные* факторы могут продлить этот кризис (болезненно, но не обязательно подавляют) в том отношении, что личностные идиосинкразические особенности требуют продолжительного поиска соответствующих идеологических предпосылок и возможностей профессионально реализоваться, или тогда, когда исторические изменения вынуждают отложить последующий период взрослости.

4. Протекание кризиса идентичности зависит от *прошлого* как резервуара сильных идентификаций, приобретенных в детстве и от новых моделей, приобретаемых в юности. Также этот кризис зависит от работающих в обществе ролевых ожиданий, предлагаемых на ранних этапах взрослости. Действительно, каждая последующая стадия взрослости должна делать вклад в сохранение и обновление этих образцов поведения.

Тогда социальная составляющая («*socio*» part) идентичности должна будет отвечать тому сообществу, в котором индивид обретает себя. Ни одно эго не может существовать отдельно от других, как одинокий остров. На протяжении жизни установление и поддержание этой силы, которая может примирить противоречия и сомнения зависит как от родительской поддержки, так и от коллективных моделей поведения. Молодые люди зависят от идеологической связности окружающего мира, поскольку принимают и эмоционально остро осознают: является ли идеологическая система достаточно сильной в своей традиционной форме для того, чтобы «подтверждать» и быть подтверждаемой самим процессом

формирования идентичности, либо такой жесткой или хрупкой, чтобы предоставлять возможность обновления, реформирования или революции. Психосоциальная идентичность, таким образом, также обладает *психоисторическим* аспектом и предоставляет возможность изучать то, как истории жизни сложным образом переплетены с историческими событиями. По этой причине изучение психосоциальной идентичности зависит от трех взаимодополняющих процессов (или они являются тремя аспектами неразсторжимого целого?): личностной непротиворечивости, возникающей вследствие индивидуальной и ролевой адаптации в социальных группах; ведущих образов и идеологий времени; индивидуальной истории жизни и определенного исторического момента, в котором данный человек родился и живет.

Все это представляется весьма вероятным, особенно, когда рассматривается отдельно от бессознательного измерения, и кажется широко, а иногда и слишком навязчиво, распространенным в наши дни. Сложности, связанные с бессознательной стороной изучаемого процесса, которые часто игнорируются, могут быть структурированы следующим образом.

1. Нормативное формирование идентичности имеет свои темные и негативные стороны, которые на протяжении жизни могут оставаться неуправляемой частью общей личностной идентичности. Каждый человек и каждая группа несет в себе *негативную идентичность*, что есть сумма всех тех идентификаций и фрагментов идентичности, которые индивид должен был подавить в себе как нежелательные и противоречивые, или которые значимая для него группа приучила воспринимать фатально чужеродными в сексуально ролевом или расовом, классовом или религиозном отношении. В случае тяжелых кризисов, индивид (или даже группа) может отчаяться в своей способности встроить эти негативные элементы в позитивную идентичность. Особый гнев возникает у молодых людей тогда, когда они понимают, что развитие идентичности неминуемо теряет таким образом предпосылки подтвержденной окружающей личностной целостности: например, это происходит в ситуации, когда еще несостоявшийся делинквент, отвергая любой шанс интегрироваться в сообщество, может стать настоящим преступником. В периоды кризиса коллективной идентичности, такой потенциальный гнев испытывают многие и его легко эксплуатируют психопатические лидеры, которые становятся образцами внезапной приверженности тоталитарным доктринам и догмам, в которых негативная идентичность становится желаемой и доминирующей. Так нацисты фанатически культивировали то, что прославленный в победах Запад, также как и более рафинированные немцы стали осуждать как «типично немецкое». Гнев, возникающий

перед угрозой потери идентичности, может выразиться в произвольном насилии толп, или он может — менее сознательно — служить прогрессирующей деструктивности, которую производит политическая машина угнетения и войны.

2. В некоторых молодых людях, в некоторых социальных классах, в определенные периоды истории личностный кризис идентичности может быть не так заметен, и будет протекать в рамках ритуалов перехода, знаменующих второе рождение. В то время как для других людей, классов и периодов этот кризис будет ясно очерчен как критический период, и может быть усугублен коллективными распрями или эмоциональным напряжением, которое будет распространяться как эпидемия. Таким образом, сущность конфликта идентичности часто зависит от латентной паники или от других специфических условий, доминирующих в этот исторический период. Некоторые исторические периоды можно назвать периодами вакуума идентичности, что обуславливается тремя основными формами человеческих ощущений: *страхами*, пробуждающимися вследствие узнавания новых фактов, чему способствуют научные открытия и изобретения (включая оружие), которые быстро распространяются и радикально изменяют весь образ мира; *тревогами*, возникающими в результате смутного ощущения символических опасностей, которыми грозит упадок существующих идеологий; и в пробуждении дезинтегрирующей веры, *ужасом* от экзистенциальной бездны, лишенной духовного смысла. Но тогда снова исторический период может (как, например, во времена Американской Революции) предоставить единственный шанс для коллективного возрождения, которое открывает неограниченный репертуар идентичностей для тех, кто посредством соединения непокорности, одаренности и профессиональной компетенции репрезентирует новое лидерство, новую элиту, новые типы характера, появляющиеся для того, чтобы возобладать в новых людях.

Если во всем этом что-то *есть*, то почему инсайты (см. прим. 5), касающиеся таких универсальных вещей, сначала приходят из области психоанализа, клинической науки? Дело в том, что во все периоды истории ментальные расстройства, эпидемиологические по своей природе или в особом смысле привлекательные, высвечивают особый аспект конфликта человеческой природы со своими «временами» и способствуют новаторским инсайтам: так, как это произошло с истерией во времена молодого Фрейда. В наше время состояние *смешения идентичности* (*identity confusion*) (см. прим. 6), не являющееся по своей сути патологическим или ненормальным, часто сопровождается всеми невротическими или даже почти психотическими симптомами, к которым склонен молодой

человек в силу своей психической конституции, раннего осознания собственной судьбы и крайне неблагоприятных обстоятельств. В действительности, молодые люди подвержены более болезненным беспокойствам, которые могли бы проявиться во время других стадий развития именно потому, что процесс подросткового развития может побуждать индивида отчасти осознанно уступать некоторым самым регрессивным или подавляемым тенденциям, потому что стремится нащупать твердый фундамент и открыть заново некоторые еще не развитые силы детства. Это, однако, безопасно только там, где относительно стабильное общество обеспечивает коллективный опыт ритуального характера или где революционные лидеры (такие, как Лютер (см. прим. 7)) предлагают новые направления для формирования идентичности, что позволяет подростку получить шансы для своего развития. Исторические кризисы в свою очередь отягощают личностные кризисы и на самом деле многих молодых людей в недавнем прошлом рассматривали как страдающих от острых хронических психических расстройств, тогда как сейчас мы знаем, что здесь наблюдается глубокий кризис личностного развития. Этот факт является клиническим основанием для построения концепции кризиса идентичности.

Для того, чтобы обосновать возникновение этой клинической концепции на языке моей профессиональной деятельности и относительно моей собственной жизни, я намерен дать здесь отчет о своей клинической работе и описать мое происхождение. Мой отчет будет носить описательный характер, поскольку я намерен выявить ряд противоречивых элементов моей идентичности.

***

Я на два года моложе XX в. и поэтому каждое десятилетие моей жизни строго совпадает с историей этого столетия. Я получил образование в Венском Психоаналитическом Институте в начале тридцатых годов моей (и XX в.) жизни.

В самом начале моей карьеры я был одним из тех, чье профессиональное образование было двойственным. Перед тем, как начать изучать психоанализ, я был художником и мог похвастаться только дипломом Монтессори (Montessori) (см. прим. 8). Психология как таковая не привлекала меня. И если Уильям Джеймс (James) мог сказать, что первую лекцию по психологии, которую он прослушал, он сам и прочел, то я должен признать, что первый курс по психологии, был также первым (и последним), который я провалил. Но по причинам, о которых я буду говорить позже, я был принят в Венский психоаналитический Институт,

который был обучающим факультетом частного общества, не связанного с академическими факультетами, и профессиональными организациями в городе и за его пределами, но одновременно противостоящего им и принимаемого ими. Несмотря на то, что Зигмунд Фрейд был врачом и профессором, преподававшим в медицинской школе, он взял на себя ответственность создать новую традицию в отборе особого круга мужчин и женщин (большинство из которых были профессиональными медиками), которые хотели изучать его методы под его собственным руководством. Для этого они должны были обладать общей эрудицией и быть одарены особой редкой восприимчивостью к нерациональным феноменам. Все это означало, что претенденты должны были быть одновременно психически здоровыми, чтобы выжить в этом опасном виде деятельности, связанном с неотмеченным на карте внутренним миром, и достаточно «ненормальными», чтобы *хотеть* изучать его. Для них Фрейд создал и клинический институт для обучения, и клиентуру, и издательский дом и, конечно, новую профессиональную идентичность.

Подлинно революционная, научная и терапевтическая ориентация, созданная Фрейдом, базировалась на радикальном изменении концепции роли и самовосприятия как целителя, так и пациента. Фрейд не считал пациентов с «классическими» симптомами дегенератами, каковыми их признавали его современники-медики, и поэтому, с его точки зрения, авторитарные методы, которые использовались для лечения таких пациентов, как раз исключали то, что единственно могло освободить пациента от внутреннего рабства: сознательное принятие определенных истин о себе самом и о других. Он настаивал на том, что практикующий психоаналитик сам испытывает воздействие бессознательного, строит отношения с ним и должен обрести способность объяснять, а не порицать бессознательные проявления и не избегать контакта с бессознательным. «Анализируемого», пациента или обучаемого, просили вербализовать все доступные ему мыслительные процессы, и таким образом, стать сонаблюдателем анализа, в то время как аналитик продолжал наблюдать самого себя так же, как он наблюдает направление мысли пациента. Оба они должны были таким образом стать сотрудниками в процессе осознания (и в процессе вербализации) целого резервуара бессознательных образов и аффектов. И этот процесс скоро был признан не только источником мучений отдельных пациентов, но также подавляемым психологическим содержанием человечества на протяжении всей его истории — за исключением провидцев и пророков, драматургов и философов. Так, атмосфера, созданная в Венском кружке, пробуждала сильную преданность друг другу и глубокую приверженность истинно освобождающим идеям,

что часто одновременно приводило к душевному амбивалентному расстройству. Здесь осталось много интересного материала, который ждет исследователя, желающего написать историю этих идей, и который смог бы преодолеть искушение рассмотреть ранний психоанализ только с критической точки зрения.

Мой собственный психоанализ проходил под руководством Анны Фрейд (см. прим. 9), которая приняла меня, благодаря приятельским отношениям, установившимся, когда она и ее друзья увидели, как я работаю с детьми в небольшой частной школе. Анна Фрейд создала венскую версию дочерней специальности психоанализа — детского психоанализа и я тоже должен был стать детским психоаналитиком, хотя такое обучение включало лечение (под руководством) и наблюдение за пациентами-подростками и взрослыми пациентами. Читатель оценит сложные чувства, вызванные тем фактом, что моим наставником была дочь уже почти мифического основателя психоанализа, который мог в любую минуту появиться в дверях их общей приемной, чтобы пригласить пациента в свой кабинет. Но это только одно из особых обстоятельств в ряду тех обязанностей и трудных задач, которые возникали в процессе обучения психоанализу. Поскольку такая подготовка является сутью данной профессии и должна быть постигнута как строгая научная дисциплина, мне думается, что успех поколения учителей, важный во всех сферах, будет оставаться особым сокровищем и особым бременем в жизни созревающего психоаналитика — включая те теоретические концепции, которые он позже будет отстаивать или, наоборот, отречься от них. Даже самый почтенный профессиональный психоаналитик испытывает (и должен испытать) то чувство, что он одновременно есть освободитель и потенциальный идеолог, модель идентичности, а также сильная личность, с чьей помощью ученик должен самоопределился. Поэтому в любых исследованиях, которые имеют целью получить научное объяснение вездесущей человеческой иррациональности, инсайты сохраняют бессознательное значение, которое нужно искать на протяжении всей своей жизни.

Клиническое систематическое наблюдение за бессознательными процессами обычно приводит к бесконечному изумлению, что бессознательное имеет такой творческий характер, что управляет аффектами, с которыми до сих пор вы не встречались, и удивлению, что при этом возникает особое чувство освобождающей психической вмняемости, поскольку вы испытали хаос (бессознательного). Вероятно, все это трудно понять, не испытав на практике, однако некоторые черты этого опыта должны просматриваться в последствиях влияния психоанализа на другие области знания и в том изобилии представленных психоаналитика-

ми данных, недоступных для рассмотрения и оставшихся непонятыми. Принимая в расчет революционный характер таких данных, не следует удивляться тому, что понадобятся целые поколения специалистов для того, чтобы найти подходящие формы верификации, а также определить масштаб и пределы применения этих данных, что в свою очередь приведет к изменениям в профессиональной идентичности психоаналитика. При этом станет возможным увидеть аналогии между этой новой психотерапевтической ситуацией, отражая сущность которой мы можем назвать ее *дисциплинированной субъективностью*, и более или менее скрытыми межличностными факторами в других областях научных исследований.

Перед тем как я продолжу рассказ о моем обучении, о том, как я воспринял этот опыт, я должен обратиться к вопросу, как странствующий художник и учитель пришел к тому, что нашел в психоанализе профессиональную идентичность и поле для актуализации его природных способностей. Сначала нужно сказать, что в Европе времен моей юности выбор профессиональной идентичности «художника» для многих означал скорее способ существования, нежели определенную профессию — или, действительно, способ формирования жизненного стиля, но в современном мире это мог быть стиль жизни, далекий от общепринятого. Тем не менее, европейский социальный порядок создал вполне институционализированную социальную нишу для таких идиосинкразических потребностей. Свойственная подростковому возрасту невротическая неспособность к изменениям обнаруживалась в привычке или склонности к *Wanderschaft* (см. прим. 10); и если молодой человек обладал определенными дарованиями, которые можно продать, то он мог убедить себя и других, что ему следует дать шанс продемонстрировать, что он, возможно, обозначен печатью гения. Тогда были, конечно, разные молодежные движения, политические и религиозные, в которых участвовали те, кто был склонен отдаться во власть коллективных утопий и политических идеологий. Но многое из того, что сегодня молодые люди практикуют в отчужденных группах и группах посвященных, переживалось тогда в изоляции, уединении, разделяемом только с друзьями, которые мыслили похожим образом. Быть художником тогда означало иметь, по крайней мере, переходную идентичность, к тому же я обладал достаточным талантом, чтобы считать эту идентичность, хотя бы временно, своей профессиональной идентичностью. Проблема заключалась в том, что я часто испытывал нервозность в работе и нуждался во времени. *Wanderschaft* в тех условиях могло означать как невротическую склонность, так и обдуманый поиск, также как и сегодня выпадение из общества может оказаться и временем для поиска

определенного пути в жизни, и бесцельным нигилизмом. Но в любом случае, пока мы не работали, у нас были глубокие и доверительные связи (сегодня их часто называют «романтическими») с так называемой «крестьянской природой». Мы поддерживали физическую форму, бесконечно взбираясь на горы; мы тренировали наши чувства для смены перспектив и наши мысли для понимания выписанных высказываний Ангелиуса Силезиуса (Angelus Silesius), Лао-Цзы, Ницше и Шопенгауэра, которых мы носили в своих рюкзаках. Я не буду здесь описывать патологическую сторону моего смещения идентичности, расстройство, для которого психоанализ оказался действительно подходящим лечением. Несомненно, сегодня такие расстройства некоторые из нас могли бы назвать «пограничными», то есть находящимися на грани между неврозом и подростковым психозом. Но тогда можно было поставить диагноз, которому позже я посвятил исследования в области развития человека, назвав его отягченным кризисом идентичности (aggravated identity crisis), который варьирует в зависимости от различных обстоятельств. Бесспорно, мои лучшие друзья будут настаивать, что было необходимо обозначить этот кризис и понаблюдать его еще у кого-нибудь, чтобы самому по-настоящему совладать с ним. Конечно, они могут перечислить много проблем, связанных с моей *личностной* идентичностью.

Здесь встает, прежде всего, вопрос о моем происхождении, которому часто придают слишком большое значение те люди, что стремятся быть оригинальными. Я вырос в Карлсруе в южной Германии и был сыном педиатра, доктора медицины Теодора Гомбургера (Homburger) и его жены Карлы, урожденной Абраамсен (Abrahamsen), коренной жительницы Копенгагена, Дания. На протяжении всего моего раннего детства они хранили от меня секрет, что моя мать была прежде замужем и что я сын датчанина, который оставил ее перед моим рождением. Они, по-видимому, думали, что такая секретность была не только выгодной (потому что дети не знают того, о чем им не говорят), но также целесообразной, чтобы я мог чувствовать себя родным в их доме. Как дети и должны делать, я жил в этот образ и почти забыл тот период жизни (до 3-х лет), когда мы с матерью жили одни. В это время моя мать дружила с художниками, работающими в фольклорном стиле Ганса Тома из Черного леса (Hans Thoma of the Black Forest) (см. прим. 11). Я думаю, что именно они заложили во мне первый образ мужественности, а позже я должен был смириться с незваным гостем в моей жизни, бородатым доктором, с его исцеляющей любовью и загадочными инструментами. Позже я получал удовольствие, шатаясь между мастерскими художников и нашим домом, второй этаж которого в дневное время был заполнен возбужденными и

доверчивыми мамашами с детьми. Мое чувство, что я «другой» нашло убежище (как склонны делать даже дети и без таких острых жизненных проблем) в фантазиях о том, как я, сын гораздо более знатных родителей, являюсь в этой семье подкидышем. Между тем мой приемный отец был действительно отчимом из сказки. Он дал мне свое имя (которое я переделал в свое второе имя) и предполагал, что я тоже стану доктором, как и он.

Проблемы идентичности обостряются с переходом в пубертатный возраст, когда образы будущих ролей становятся неизбежными. Мой отчим был единственным человеком с профессиональным высшим образованием (и высокоуважаемым человеком) в маленькой иудейской буржуазной семье, в то время как я (ведущий свое происхождение из расово смешанного скандинавского типа) был блондином с голубыми глазами и вырос вызывающе высоким. В церкви, куда ходил мой отчим, меня считали за «гоя», а для моих одноклассников я был «евреем». И, несмотря на то, что во время первой мировой войны я отчаянно пытался быть исправным германским шовинистом, меня стали называть «датчанином», поскольку Дания соблюдала суверенитет.

Наш город был старой государственной столицей Лютеранского княжества (мы жили на дворцовой площади), имеющим значительное католическое население. Я не помню, чтобы я тогда интересовался старой лютеранской церковью с государственной направленностью или молодой церковью, но спустя годы я выбрал молодого Лютера как предмет изучения с тем, чтобы представить свои взгляды на роль молодого поколения в истории. В это время, как и другие молодые люди с художественными или литературными устремлениями, я стал сильно сторониться всего того, что исповедовала моя буржуазная семья. И здесь я *выставлял на показ* свое отличие от других. После окончания средней школы, которая называлась гуманитарной *гимназией* (где ученик мог получить фундаментальное классическое образование — *Bildung* (см. прим. 12) и хорошее знание языков), я отправился в художественную школу, но снова стал бродяжничать. Сейчас я считаю те годы важной частью моего профессионального становления. Наброски, эскизы (это делал даже Уильям Джеймс) могут стать основополагающим упражнением в отслеживании впечатлений. Я с наслаждением делал очень большие панно на дереве: вырезание застывших образов природы на этом первичном материале дает базовое понимание одновременно искусства и ремесла. И в те дни каждый уважающий себя странник из своей собственной (северной) культуры рано или поздно дрейфует в Италию, где проводит много времени, впитывая южное солнце и местные виды, где царило великое смешение артефактов и природы. Тогда я был настоящим «Бродягой».

Если это был «мораторий» (см. прим. 13), то он определенно был и периодом полного игнорирования военных, политических и экономических событий и катастроф, которые изнурили в то время общество. На протяжении всего этого времени, если молодой человек мог рассчитывать на финансовую поддержку из дома и мог избежать гибели в каком-нибудь катаклизме, то он жил (или он так думал, что жил), измеряя время веками, а не десятилетиями. Такой культурный и личностный нарциссизм был явно характерен для целого поколения и, конечно, мог обернуться крахом для молодого человека, если бы он не нашел некую довлеющую идею — такую, которая обеспечила бы сиюминутный смысл повседневной жизни и истории идей, а также запас жизненных сил, чтобы работать ради нее.

Мой друг Питер Блос (Blos) (который также стал психоаналитиком и который сейчас широко известен по классическим работам о подростковом возрасте) (см. прим. 14) пришел мне на помощь, когда мне было около тридцати лет. Во времена нашей юности в Карлсруе, он делил своего отца со мной — он был доктором и одновременно провидцем и эксцентриком (он впервые рассказал нам о Ганди), потом мы дружили, когда я жил во Флоренции. Тогда он пригласил меня с одобрения Дороти Бирлингем (Burlingham) (см. прим. 15) поработать вместе с ним в маленькой венской школе, которой он руководил. С его помощью я узнал, что значит постоянно работать, и познакомился с людьми, которые входили в окружение Анны Фрейд и самого Фрейда.

Сейчас должно стать более ясно, что стал значить для меня Фрейд, хотя, конечно, у меня не было слов, чтобы выразить свои чувства и мысли в то время. Он был мифической фигурой и великим врачом, который взбунтовался против своего профессионального медицинского окружения. Здесь также был круг, который обеспечил мне доступ к особому виду профессиональной подготовки, которая была так близка к роли детского врача, насколько это было возможно сделать вне медицинского образования. То, что меня связывало с этой ситуацией, была, я думаю, сильная идентификация с моим отчимом, педиатром, вместе с сильным стремлением найти моего собственного мифического отца. Я спрашиваю себя, в каком состоянии духа я был поразительным образом принят во фрейдистский кружок, и здесь я могу только предположить (не без смущения), что нечто вроде идентичности пасынка помогло мне принять на веру то, меня примут там, где я не должен был находиться. К тому же я вынужден был культивировать свою непринадлежность к этому кругу и поддерживать внутренний контакт с художником, который жил во мне. Поэтому моя психоаналитическая идентичность установилась лишь тог-

да, когда гораздо позже с помощью моей жены-американки я стал пишущим психоаналитиком — и опять же я писал на языке, который не был моим собственным.

Но еще раз я спрашиваю себя, как художник и учитель мог найти место в научном и клиническом движении, которое так сильно связано со словесной работой? У меня есть три соображения по этому поводу. Первое связано с тем, что мое первое знакомство с психоаналитическим взглядом на детство совпало с периодом ежедневного контакта с детьми, и мое первое проникновение в теорию сновидений совпало с наблюдениями за детской игрой. Ведь дети в моменты, когда учишься наблюдать процесс их самовыражения в словах и игре, начинают с обескураживающей прямоотой ставить и отвечать на предельно сложные для взрослых вопросы. Во-вторых, я вскоре обнаружил в трудах Фрейда яркие проявления ненасытной страсти к наблюдению, которая подтолкнула его самого часто бывать в Италии, рассматривать городские площади и посещать музеи, всякий раз, когда ему позволяла работа. Анализ Фрейдом воспоминаний и сновидений своих пациентов показал также, какое большое значение он придавал фантазиям, ведь только после такого анализа он занимался расшифровкой высказываний пациентов. И, в конце концов, я помню, что сказала однажды Анна Фрейд, еще до того, как начались описываемые мною события. Надо заметить, что цитировать чьего-либо аналитика — это означает всегда подвергаться риску самообмана, но это воспоминание мне кажется аутентичным. Когда я заявил в очередной раз, что не вижу возможности реализовать мои художественные интересы в таких высоких интеллектуальных кругах, на таком высоком интеллектуальном уровне, она спокойно сказала: «Вы могли бы помочь им увидеть». Поскольку я рассматриваю мою профессиональную подготовку с концептуальной точки зрения, этот простой девиз должен быть (для меня) путеводной звездой в зачастую слепых попытках создать науку на основе данных, полученных на психоаналитических сеансах. Несколько десятилетий спустя в моей первой книге (*Детство и общество* (см. прим. 16)) я показал, что клиническое описание само по себе является вкладом и в художественное, и в теоретическое самовыражение.

Если кратко вернуться к теме пасынка, то можно предположить, что позже я должен был достигнуть успеха в создании своего профессионального жизненного стиля на основе моего детского опыта, который бы Пол Тиллих (Tillich) назвал пограничным состоянием (life on boundaries), ведь мой профессиональный путь пролегал через институты, для функционирования в рамках которых я не обладал необходимыми навыками — за исключением, конечно, моей психоаналитической подготовки. Но, как

было уже указано, в те времена психоанализ систематически привлекал и собирал вокруг себя мужчин и женщин, которые ничем не занимались в жизни, и некоторые из моих самых выдающихся коллег подобным образом «сымпровизировали» со своими жизненными планами. Здесь нужно отметить, что это не были уникальные случаи девиации, но конфигуративное свойство (см. прим. 17), присущее истории жизни и истории профессий.

Однако я должен также показать и опасности такого выбора жизненного пути, как для характера личности, так и для свойственных ему понятий. То, что негативная идентичность пасынка — это идентичность внебрачного ребенка, нужно признать здесь не только мимоходом, но и собственно мной самим. Хотя обычный пасынок мог использовать свои таланты для того, чтобы избежать постоянной принадлежности какому-либо кругу. Работа в пространстве между установившимися, признанными профессиональными областями может означать нежелание подчиняться дисциплине, необходимой в любой профессии. Такой человек, будучи очарован эстетическими свойствами мира, может прийти к нежеланию видеть и признавать его этические и политические стороны, их методологические последствия. Если кто-то и обнаружит все эти слабости в моей работе, то наряду с этим он также увидит и настойчивые попытки противостоять этим недостаткам. Это отчетливо проявилось в моем стремлении изучать социальные и исторические факторы развития личности, и, возможно, воодушевленный различием, которое проводил мой великий соотечественник Кьеркегор между эстетической и этической жизнью, я стал изучать жизнь религиозных лидеров (*religious actualists* (см. прим. 18)), таких как Лютер и Ганди.

Это все, что можно сказать о тех аспектах, которые, как мне думается, перекочевали из моего детства в мою профессиональную идентичность. Несмотря на очевидность того, что такой ранний период жизни мог оказаться предпосылкой тяжелого кризиса идентичности, надо сказать, что это верно лишь отчасти; в моем случае наиболее явные конфликты идентичности касались моей *личностной* (*personal*) идентичности и *психосоциального* (*psychosocial*) выбора, путь к которым более или менее ясно просматривался. Если негативные последствия кризиса идентичности предопределяются одновременно дефектами в ранних отношениях индивида с матерью и несовместимостью или неуместностью ценностей, доступных в подростковом возрасте, то я должен сказать, что я был благополучен в обоих отношениях. Несмотря на то, что я в детстве видел свою мать постоянно печальной, но я также отчетливо представляю, как она глубоко погружается в чтение Брандеса (*Brandes*), Кьерке-

гора (Kierkegaard) и Эмерсона (Emerson) (см. прим. 19) (об этом я узнал позже). Я никогда не сомневался, что ее амбиции в отношении моего будущего выходили за рамки тех ценностей и идей, в которые она, тем не менее, глубоко верила. С другой стороны, моя мать и мой отчим имели мужество позволить мне, не торопясь, найти свой путь в мире, который в течение всех лет войны и революций, все еще казался ориентированным на традиционные альтернативы, и в котором страшные события описывались как эпизодические нарушения закона криминальными личностями, злыми нациями и классами. Те формы кризиса идентичности групповой и индивидуальной, которые я по случаю собирался описать как злокачественные, были, вероятно, явлениями другого порядка, нежели те, что мы тогда испытывали. Все непримиримые идеологии в те года таили в себе некий план спасения, который должен был быть реализован на века сразу после еще одной войны, еще одной революции, еще одного Нового Курса. И только в наше время вера в перемены постепенно породила широко распространенное чувство страха (этих же перемен) и суеверное предубеждение к изменению как таковому, а также подозрительность, касающуюся самой веры. Соответственно изменились проблемы идентичности, и даже симптомы смещения идентичности. В любом случае, сравнительное исследование сущности кризиса идентичности в различные периоды истории (и в различных группах в течение одного исторического периода) может успешно служить как историческим, так и клиническим методическим инструментом, хотя при этом само применение этих понятий должно быть подвергнуто тщательному историческому изучению.

Примечания

1. Джованни Лютеро – итальянский историк. – *Прим. перев.*
2. Stuart Hampshire in the *London Observer* (December I, 1968).
3. Для Эриксона образ мира – это предлагаемая обществом идеология или идеологии, в которой нуждается любой человек и особенно подросток, который находится в состоянии острого кризиса идентичности и занят поиском своего места в жизни. Под идеологической системой Эриксон понимает внутренне упорядоченную совокупность общепринятых идей, образов и идеалов, предлагающую ясные, четкие, хотя и упрощенные, установки для ориентации в жизненном пространстве, времени, целях и средствах их достижения (*Эриксон Э.Г. Проблема эго-идентичности // Реферативный журнал. Серия «Социология». 1991. № 1. С. 173-200; № 2. С. 165).* – *Прим. перев.*
4. Эриксон часто называет пятую стадию развития – «подростковый возраст и юность», а следующую стадию развития – «ранняя зрелость» (см.: *Erikson E.H. Identity and the Life-Cycle. N.Y., 1959*). Однако позже он называет пятую стадию «подростковый период», а шестую – «юность или молодость», седьмую – «зрелость или зрелость», подчеркивая, что, несмотря на условность возрастных рамок, это разные психосоциальные стадии развития. И если на подростковой стадии человек озабочен поиском приемлемой идентичности, то на

следующей — это поиск приемлемых форм солидарности с другими людьми — в браке, дружбе (см.: *Erikson E.H. The Life Cycle Completed. N.Y., 1982.*) — *Прим. перев.*

5. Инсайт (insight) — мгновенный акт понимания («озарения») и реструктурирования пережитого опыта по поводу какого-либо явления, предполагающий свое выражение в теории. Эриксон противопоставляет инсайт знанию, которое формируется и увеличивается с помощью специальных методов, которые делают исследуемые объекты более определенными, сравнимыми, измеримыми. Но знание делает ученого рабом методов, а знание само по себе может попасть в зависимость от политической или экономической власти. Поэтому процесс познания нуждается в инсайте, который предполагает общий подход, позволяющий проникнуть в суть явлений психики. Инсайт обращает исследователя внутрь себя, случайно «намекает» на то влияние, которое наши эмоции и мотивы оказывают на окончательную оценку того, что мы наблюдаем. Это одновременно акт самопонимания и понимания существенных моментов изучаемого явления. (См.: *Erikson E.H. Life History and Historical Moment. N.Y., 1975. P. 172-173.*) — *Прим. перев.*

6. Это термин Э.Г. Эриксона, который отражает содержание нормативного психологического кризиса в подростковом возрасте — «идентичность против диффузии идентичности» (identity diffusion). Позднее Эриксон пользуется понятием — смешение или «смятение» идентичности (identity confusion). Это временный кризис, неопределенность идентичности, промежуточное между нормой и патологией. — *Прим. перев.*

7. Рассмотрению юношеского периода жизни Мартина Лютера, религиозного лидера Реформации, посвящена работа Э. Эриксона «Молодой Лютер» (см.: *Erikson E.H. Young Man Luther. A Study in Psychoanalysis and History. N.Y., 1958.*) Это была одна из первых работ в новой области гуманитарных исследований — «психоистории». — *Прим. перев.*

8. Диплом о среднем образовании — Эриксон окончил гимназию Монтессори в Карлсруе. — *Прим. перев.*

9. Каждый, кто хотел стать практикующим психоаналитиком, изучал не только теорию психоанализа, наблюдал за профессиональными психоаналитиками, но и сам был обязан пройти психоанализ. В этом смысле это был одновременно и исцеляющий, и обучающий метод.

10. Путешествие (пешком), странствие, здесь скорее бродяжничество (нем). — *Прим. перев.*

11. Тома Ганс (Thoma) (1839—1924) — немецкий живописец, занимался литографическим рисованием, посещал художественное училище в Карлсруэ (родном городе Э.Г. Эриксона). В 1877 г. поселился во Франкфурте-на-Майне и жил там до 1899 г., где принял должность директора музея и художественного училища в Карлсруэ. Тома пользуется в Германии большой известностью. Его многочисленные ландшафты при простоте мотивов отличаются колоритностью и тонкой передачей настроения природы. Очень удачно он писал также портреты, а с 1892 г. стал заниматься рисованием цветных литографий, от которого потом перешел к менее ценной, но более удобной альтрафии (печатанию рисунков с досок из алюминия). По: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (www.biblioteka.ru). — *Прим. перев.*

12. Институционализированное образование и одновременно просвещение, формирование (характера), воспитание (нем). — *Прим. перев.*

13. Описывая подростковый возраст, Эриксон вводит понятие «психосоциального моратория» (psychosocial moratorium). Это период необходимой относительной и временной изоляции человека от социума, почти всегда добровольной. Это время, когда формируется новая психосоциальная идентичность посредством поиска профессии, освоения идеологии, принятой в обществе, словом это время для поиска своего места во взрослом мире. — *Прим. перев.*

14. Peter Blos On Adolescence. Glencoe, Ill., 1962.

15. После пребывания по Флоренции, в 25 лет, Эриксон вернулся в свой родной город, в котором готовился давать уроки живописи. В это время пришло письмо из Вены от его друга Питера Блоса. В Вене Блос познакомился с Дороти Бирлингем, американкой, которая приехала со своими детьми обследоваться у Фрейда и его дочери Анны. Бирлингемы хотели

постоянно наблюдать за своими детьми, но детям надо было учиться, и вместе с Анной Фрейд Дороти Бирлингом организовала для них маленькую частную школу, где Блос стал преподавать естественные науки и немецкий язык, а затем и возглавил ее. Здесь он учил и других детей из Англии и Америки, которые вместе со своими родителями брали сеансы психоанализа и учились психоанализу. Питеру Блосу нужны были коллеги, и он рассказал мисс Фрейд и миссис Бирлингом о своем друге из Карлсруе, Эрике, одаренном художнике, который не знает, что делать со своей жизнью (см.: *Coles R. Erik H. Erikson. The Growth of his Work. Boston, 1970. P. 16-18*). — *Прим. перев.*

16. Первое издание этой работы New York, 1950; второе издание, переработанное и дополненное: New York, 1963. — *Прим. перев.*

17. Понятие «конфигурации» («конфигуративное свойство», «конфигурации образов», «конфигурации идентичности») у Эриксона означает «целостный», сложившийся из разных свойств и черт, и относится как к психологическим свойствам характера, так и к восприятию событий в жизни человека. — *Прим. перев.*

18. Эриксон в своих работах по психистории, посвященных этим религиозным лидерам, выдвигает специфическую концепцию реальности, в которой формируется и поддерживается личностная идентичность. Он пересматривает идею о взаимной регуляции индивида и общества, отрицает разделение на внутренний и внешний мир, объективную и субъективную реальность. По Эриксону существует и другой аспект реальности, подразумеваемый в понятии Фрейда «Wirklichkeit»: *актуальность (actuality)*, указывающая на непосредственный (здесь и теперь) мир соучастия, переживаемый субъектом. Для постижения актуальности, согласно Эриксону, надо познать *относительности или релевантности*, а на социологическом языке — референтные системы: родственные связи индивида, его особенности, историческую и культурную ситуацию. Надо изучить не только внешние условия или внутренние состояния, но и их взаимодействие и степень «взаимной активации» (См.: *Erikson E.H. Insight and Responsibility. Lectures on the Ethical Implications of Psychoanalytic Insight. N.Y., 1964. P. 163-165*). Поэтому в тексте Лютера и Ганди он называет дословно «религиозными актуалистами», что означает, что они сумели почувствовать настроение людей в данный исторический период и выразить это на языке религиозной идеологии. — *Прим. перев.*

19. *Брандес Георг Моррис Коган (1842–1927)* — датский критик и писатель. Брандес вел активную просветительскую и пропагандистскую деятельность и читал лекции по литературе во многих странах Европы.

Кьеркегор Серен (1813–1855) — датский философ, который глубоко исследовал природу Я человека, а также природу стыда (для Кьеркегора, «греха»), которые определяют состояние человека. Он поднял вопросы об этической ответственности и о границах применения некоторых логических систем. Кьеркегор оказал влияние на последующие психологические и философские исследования, например, на Фрейда и на Уильяма Джеймса.

Эмерсон Ральф Уолдо (1803–1882), американский писатель и философ. Начинал как либеральный священник Новой Англии, но в 1832 г., с пробуждением «веры в душу», оставил свой приход. Зарабатывал на жизнь чтением лекций и к 1850 г. приобрел международную известность. В 1846 и 1867 гг. вышли книги его стихов. Некоторые его поэмы вошли в классику американской литературы. — *Прим. перев.*

Продолжение следует...

Пер. О.А. Симоновой